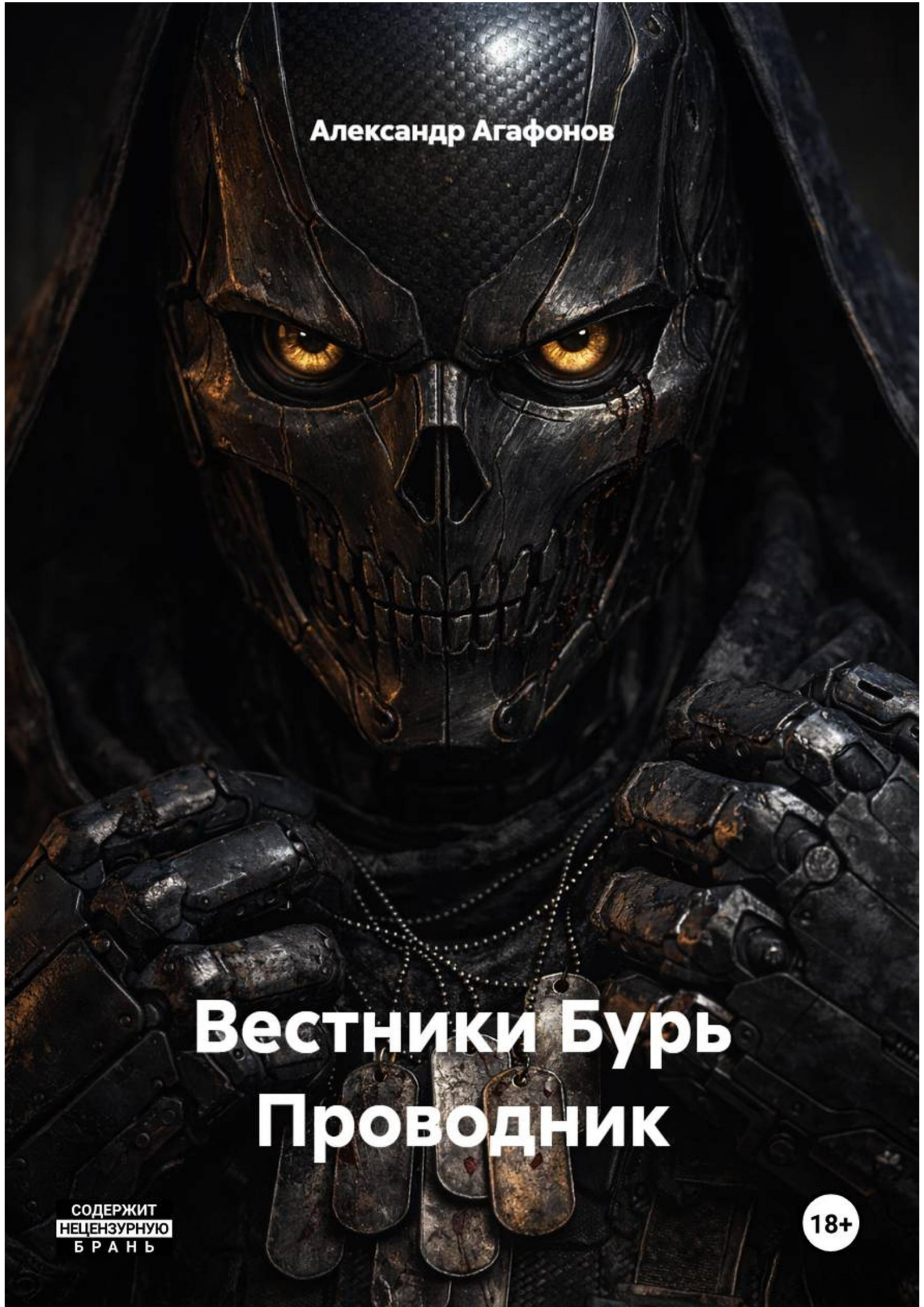

Александр Агафонов

Вестники Бурь Проводник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Агафонов

Вестники Бурь Проводник

«Автор»

2026

Агафонов А. Ю.

Вестники Бурь Проводник / А. Ю. Агафонов — «Автор», 2026

Продолжение серии Вестники Бурь. Автор уезжает на службу минимум на год, продолжение работы над книгой не представляется возможным, работа продолжится после окончания контракта.

© Агафонов А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Александр Агафонов

Вестники Бурь Проводник

Глава 1

«Цепкая живучесть человека всего более видна в невероятной силе рассеяния и себяоглушения. Сегодня пусто, вчера страшно, завтра безразлично; человек рассеивается, перебирая давно прошедшее, играя на собственном кладбище...»

Александр Герцен «Былое и думы»

«Вестники Бурь» Книга 3 – Проводник.

Глава 1 «Разговор на кладбище»

38 лет после последней мировой войны. 2882 г. н.э.

На стекле противогаза постоянно налипали колючие снежинки, приходилось часто смахивать их заиндеветой перчаткой. Виктор знал, что они колючие, потому что помнил, как в далёком детстве без спроса выбрался на улицу, распахнув тяжёлую дверь низкой избы нараспашку, и бухнулся в сугроб, провалившись тогда с головой. Он помнил, как получил сильный нагоняй от отца, но не за то, что рискнул неокрепшим тогда здоровьем, а потому что выпустил немало тёплого воздуха из дома.

Да, он помнил.

Помнил, как сухой холодный воздух резанул по горлу, заставив закашляться. Помнил, как его долго отмывали и согревали после. Как мама причитала, что Витя может заболеть, а лекарств почти не осталось, как ворчал отец, проверяя снег счётчиком Гейгера, и обещая страшную кару – стояние в углу до вечера, если придётся потратить дорогуший антирадиационный препарат. Но маленькому Вите так хотелось потрогать настоящий снег, который он видел только за маленьким, покрытым причудливыми узорами инея окошком. Он улыбнулся, ведь тогда его так и не наказали, зато прочитали длинные лекции об опасностях зимней стужи. Тогда Витя ещё надеялся увидеть весну, про которую читал в журналах, что дедушка сохранил для растопки очага, только, к своим двадцати семи годам, он её так и не увидел.

Снова смахнув с противогаза снег, он осмотрелся. Тяжёлый, обшитый шкурами скафандр, давил на плечи и был чрезвычайно жёстким. Даже чтобы просто согнуть руку, приходилось приложить немало усилий. Этот старый военный скафандр, с давно сдохшими батареями встроенного экзоскелета, был всё ещё способен долгое время сохранять тепло, позволяя всей мужской половине его небольшой семьи, время от времени отправляться в дальние походы по снежному царству. Царству белой мглы.

Жаль, что шлема от скафандра не осталось, и Виктору приходилось обходиться только огромной меховой шапкой и вязаной балаклавой из собачьей шерсти. Плотно натянутый поверх всего богатства противогаз, с неудобным и тяжёлым фильтром на боку, был единственной преградой от мороза и острых крупинки льда, что бросал в него воющий северный ветер.

Повсюду, куда бы ни упал взгляд, были только белые барханы слежавшегося за десятилетия снега. Местами покрытого толстой коркой льда. Небольшой буран, разгулявшийся к обеду, был вполне привычным явлением. Серое, вернее даже тёмное небо, нависало над головой, так низко, что порой, не понятно было, где кончается очередной сугроб и начинается верхний простор. Солнце почти не пробивалось через облака, бледное светлое пятно, маленькое и холодное, один из немногих ориентиров опытного искателя в этих краях. Отец рассказывал, что раньше здесь нельзя было ходить без специальных очков, так сильно ослеплял свет, отражённый от чистого снега. Теперь же, без хорошего фонаря, выходить на улицу даже в полдень, было напрасной тратой тепла. Но Виктор знал, что если преодолеть тёмное пятно к югу от посёлка, то через три часа хода можно добраться до руин мёртвого города, туда и лежал его путь.

Закреплённый на руке термометр застыл на отметке в минус шестьдесят семь по Цельсию. Впрочем, Виктор не знал, кто такой этот Цельсий, но зато был уверен, что ближе к вечеру мороз станет только сильнее. Сверившись со знакомыми ориентирами, он шагнул по сугробам, мерно переставляя самодельные снегоступы, стараясь держать по правую руку верхушки древних сосен, что едва выглядывали из-под снега, Виктор отпустил мысли на волю, и просто смотрел на горизонт. Как и его отец, когда-то, сын выбрал стезю искателя. В небольшой общине, что чудом выживала уже тридцать с гаком лет, искателей было мало, по простой причине – чтобы найти ценное и полезное, с каждым годом приходилось уходить всё дальше. Всё что можно было найти, откопать, и использовать на пользу общины, давно уже было и найдено, и откопано, по крайней мере, в радиусе десятка километров. В мёртвый город ходили всё реже, хотя это место и хранило невообразимое множество всякого, проблема была в том, что город был погребён под снегом почти полностью. Лишь несколько высоток, если не изменяла память, в пятнадцать этажей, выглядывали на поверхность. И что бы забраться даже на верхний этаж, иногда приходилось копать. Искатели никогда не спускались ниже двух, иногда трёх верхних этажей, и причин тому было много, от непонятного иррационального страха, что внушали тёмные окна, до простой проблемы холода. Чем ниже этаж, тем холоднее там было, промёрзшие высотки хранили секреты, почище бродячих торговцев. И как же можно забыть главное, чем ниже, тем сильнее сгущалась темнота, а слабые фонари не справлялись со страхами в перепуганных головах.

Хлестким порывом буран ударил в спину, едва не опрокинув Виктора, он обернулся и с тревогой посмотрел на север, там небо стало темнее. По всем признакам, приближалась настоящая буря, и эта новость не прибавила настроения. Пришлось ускорить шаг, если буря настигнет в открытом поле то можно сразу застрелиться, это легче, чем медленно замёрзнуть под снегом.

Стекло норовило запотеть, только жировой раствор, которым он тщательно натёр внутреннюю сторону противогаса, не позволял случиться неприятности, но крепчавший буквально на глазах мороз норовил пробраться в каждую щель на воротнике, больно обжигая кожу. Впереди показались крыши высоток, чёрные провалы разбитых окон, казалось, смотрели прямо на

Виктора, презрительно, отстранённо, молчаливо. Тихий гул ветра постепенно нарастал, переходя в рёв приближающейся смерти, смерти каждого неудачливого путника, что не найдёт укрытия на раннюю ночь. К счастью, укрытие было уже недалеко, десяток минут и искатель сможет забраться в давно обхоженную квартиру на пятнадцатом этаже, если ветер не изменит направления, то даже не придётся спускаться ниже, и получится переждать под надёжным прикрытием железо-бетонных стен.

Изрядно попрыгав, раскорячившись, как приснопамятный краб, о котором он так же узнал из журналов, Виктор преодолел покрытый льдом подоконник и забрался в квартиру. С всё нарастающей тревогой он всмотрелся вдаль, горизонт уже вовсе пропал, а белая мгла окуталась тенью, буря приближалась, и отчаянная надежда, что стихия пройдет мимо, таяла на глазах. На расстоянии десяти метров уже ничего не видно, и вскоре темнота снаружи поравняется с темнотой внутри квартиры, Виктор прибавил мощности на фонаре, висящем на груди. Нужно было экономить энергию, аккумулятор, что ремонтировали уже сотни раз, вмещал совсем небольшой запас, и даже слабый фонарь пожирал его постоянно, что уж говорить про систему обогрева, которую Виктор включал крайне редко и только в тяжёлых случаях. Сейчас, случай был как раз из таких, нажав неприметную кнопку на предплечье, он запустил малый контур обогрева скафандра, спустя минуту тепло растеклось по телу, и он поплотнее затянул шарф.

Темнота давила. Хотелось забиться в угол, выставив фонарь перед собой, надеясь отрезать его светом покрытый коркой льда дверной проём, что вёл вглубь квартиры.

Так было всегда. Никто не мог объяснить, почему каждый раз на людей накатывал страх, стоило только ступить за порог квартиры. Может быть, это было что-то древнее, что-то инстинктивное, необъяснимое бессознательное, как говаривал покойный дедушка. Сейчас, как и прежде, стоило взглянуть в чёрный провал межкомнатной двери, Виктор непроизвольно положил руку на бедро, нащупывая рукоять старого обреза двустволки. Раньше отец ходил с ним на охоту, но тогда ружьё ещё было целым, в те времена, когда небо уже закрыло, но жизнь в таёжном лесу ещё не вымерла, он часто приносил домой туши разных зверей. Много позже, когда в охоте не оставалось смысла, отец отпилил ножовкой стволы, значительно укоротив габариты «последнего аргумента». Как выяснил позже юный тогда Виктор, обрез не один раз помогал отцу осадить обнаглевших соседей и даже залётных выживальщиков, что смели претендовать на имущество семьи.

Патронов осталось мало, и все только пулевые, два в обрезе, четыре в кармане, надёжно завернутые в пластиковый пакет. И сейчас, сам того не понимая, Виктор навёл стволы на пугающую темноту, будто той было какое-то дело до маленького человека. Буря разгулялась всерьёз. В окно уже наметало, и искатель с грустью осознал, что просто отсидеться, не получится, придётся спускаться ниже.

Собраться с духом оказалось чрезвычайно сложно, как Виктор не храбрился, накотившая слабость подсказывала, что искатель ещё не готов к подвигам. Не стоит думать, что Виктор был трусом, вовсе нет, просто страшные байки стариков, о железных чудовищах, засевших в

древних руинах, чертовски не вовремя всплывали в голове, рисуя в мыслях пугающие картины. Хотя, называть мёртвый город древним, было как-то странно.

Раньше, Виктор уже не раз спускался в другой высотке, даже на четыре этажа вниз, но тогда он был не один. В тот раз отряду удалось разжиться хорошими запасами просроченных, но всё ещё полезных лекарств из найденной аптечки. Но сейчас, в одиночку, ему вовсе не хотелось спускаться в ледяную тишину опустевшего дома. Вот только, буря не оставляла выбора, снега наносило всё больше, и вскоре вся комната будет заполнена. Конечно позже, когда буря стихнет, искателю не составит большого труда выкопать выход, но сейчас, остаться здесь означало только одно, неизбежную смерть. Снег приносил не только холод, но и радиацию, а так же забирал крайне ценный кислород, забивая единственный фильтр противогаза. Буря могла длиться несколько дней, и рассчитывать отлежаться под сугробом, устроив себе уютную норку, было обманчивой надеждой для неопытных путников. Виктор не был неопытным.

Выравнивая дыхание, сделав серию медленных вдохов, он крепче сжал рукоять обреза и прибавил мощность фонаря на максимум. Медлить не было никакого смысла, сбросив снегоступы и закрепив их на рюкзаке, искатель шагнул за порог.

Дрожащий свет фонаря отражался от корки льда, наросшей на стенах и полу толстым слоем, свет рассеивался, наполняя комнату длинными, пляшущими тенями. На всякий случай, ступая медленно, он постоянно оглядывался в поисках любого движения. Стоило отвернуться, как воображение тут же подкидывало глупых фантазий про затаившегося в тенях железного монстра. Хотя Виктор не знал, как должен этот монстр выглядеть, и потому шараялся от каждой мысли, тихо продвигаясь вдоль стен до лестничной площадки. Нужно спуститься ниже, хотя бы на один этаж, там он гарантированно будет защищен от снега.

Стоя на площадке, он долго не мог решиться посмотреть вниз, а когда наклонился над перилами, направив луч фонаря в проём, то едва сдержался от крика. Липкий, противный страх уверенно пробирался в голову, разгоняя сердце адреналином. Он не увидел ничего необычного, всё такой же глубокий провал лестничного пролёта, который фонарь не мог пробить до самого низа, оставляя только гадать, что может храниться там, на самых нижних этажах.

Выругавшись, злясь на самого себя за трусость, Виктор глотнул бульона из трубки противогаза. Наваристый, жирный бульон порадовал рецепторы вкусом простых специй, главного сокровища семьи искателя. Приободрившись, проверив заряженные пулевые в стволах обреза, он неверным шагом начал спуск вниз, держась ближе к стене и подальше от чёрного зева проёма. Стальные шипы на толстой подошве ботинок, с хрустом впивались в лёд под ногами, наполняя тишину призрачным эхом каждого шага. Фонарь почти не справлялся, даже на полной мощности он не мог победить тьму вокруг, вырывая только небольшое жёлтое пятно на пару метров впереди. В висках стучало, дробный стук в груди и сбитое дыхание не добавляли уверенности искателю, и как он не пытался, справиться не удавалось. Наконец выбравшись на площадку внизу, Виктор осмотрел двери квартир, которые давно были открыты, другими искателями. Не было даже смысла копаться в застывшем мусоре, всё полезное отсюда давно вынесли.

Лёд. Иней. Каждая грань сотканного из холода и тьмы подземного мира, некогда гордо подпиравшего небо, играла мириадами огней, искрами света, отражённого и возвращённого

к источнику, маленькому диоду, что был единственной преградой между миром мёртвых, и миром живых. Как и звёзды в чёрном ничто, искры были холодны и обманчивы, но так же прекрасны. Сквозь пелену страха, окутавшую разум искателя, порой пробивалась мысль, что в этом месте, есть своё очарование. Пугающее, пробуждающее самые потаённые страхи, но манящее. И, как и полагает каждому искателю, эта мысль тянула его дальше, туда, где ещё может храниться настоящая тайна. Он уже бывал здесь, на четырнадцатом этаже, он знал, что если спуститься ниже, он найдёт заиндевевшее тело девушки, сильно обгоревшее ещё до того, как Землю накрыла великая зима. Только остатки длинного платья, и туфли на каблуках, всё, что позволяло строить догадки. Тогда они с отцом, нашли запаянные в пластик семена перца, спрятанные в закромах кухонного комбайна, а так же набор отличных ножей. Виктор подумал, что на двенадцатый уже никто не спускался, слишком глубоко, слишком холодно, и слишком...страшно. Страшно даже для отряда. Тогда ему было невдомёк, что у этого страха нет никакой почвы, кроме глупых страшилок и суеверий, скучавших по вечерам стариков.

Он стоял здесь уже пару часов, всё так же прижимаясь спиной к стене, и с каждой минутой страх отступал. Нет, он вовсе не слабел, страх просто немного отпустил нервы Виктора, как и всегда бывает, если со временем привыкнуть. В голове даже мелькнула идея, рискнуть походом вниз. Он убеждал себя, что всё равно застрял в высотке на несколько дней, так почему бы не провести их с пользой и поискать скрытые сокровища. На миг, он даже улыбнулся, радуясь проблескам храбрости, но предательски моргнувший свет фонаря, быстро вернул его в реальность. Но всё же...

Виктор приблизился к монументальным стальным перилам, и лишь слегка облокотившись, снова посмотрел в провал между лестниц. Словно разрядом тока по телу пробежала волна мурашек, но искатель не отвёл взгляд. Там, в густой черноте тишины, он видел отражение своей слабости.

- Всего два этажа – прошептал он – Всего два.

Обрез в руке показался невероятно тяжёлым. Колени дрожали. Каждый шаг давался с огромным трудом, в этой тишине, он был один. Только хруст льда под подошвами и прерывистое, сдавленное дыхание в противогазе.

Бросив взгляд на термометр, проверив остатки заряда в скафандре, он кивнул сам себе, словно подбадривая, и продолжил спуск. Только теперь он шёл вдоль перил, не отрывая взгляд от провала.

В горле першило, и даже тёплый бульон не помогал, когда он застыл на площадке. Тринадцатый этаж. За той прикрытой дверью справа, как раз и лежало тело девушки. Смотреть туда не хотелось. Виктор потянулся к ручке, и с тяжёлым скрипом, соскребая ледяную корку, он плотно прикрыл дверь. Подумал, что так следовало поступить ещё в прошлый раз, подарив могиле покой. Медленно повернувшись он шагнул ниже, стараясь не оставлять дверь квартиры за спиной, сам не понимая, почему так поступает.

Температура упала уже до семидесяти двух, перчатки стали сильнее сопротивляться пальцам, но главное, это суметь нажать на спусковой крючок обреза, а в этом он был уверен. Минуты тянулись в ожидании, когда искатель соберётся с духом и продолжит спуск. Вой ветра наверху, эхом разносился вдоль стен, задушенный и едва различимый, уловить его можно только задержав дыхание.

Мать ждёт его дома, наверняка как всегда волнуется, особенно сейчас, когда буря накрыла посёлок. Сидя у очага сложенной из кирпича старой печи, подкидывая новые порции угля для голодного пламени, она как всегда молится своему забытому богу. Виктор, при всей своей суеверности, никогда не понимал набожную мать, которая исполняла забавные ритуалы перед почерневшей маленькой картинкой, забранной в медную окантовку. Едва различимый силуэт, что напоминал просто тёмное пятно разлитого чая, когда-то изображал женщину с младенцем. Наверное, в этом был скрытый смысл, но искатель, откровенно говоря, не питал надежды на помощь забытых небожителей, всё чаще предпочитая крепкие ноги и начищенный до блеска обрез. Что его ждёт внизу? Там, всего через пару метров, взору открылись три двери, две из которых были закрыты, и только центральная манила тёмным провалом. Свет фонаря вырвал следы взлома на дверной коробке, глубокие вмятины и останки замочной скважины на полу. Ему даже показалось, что там были следы ботинок, но он списал эту мысль на разыгравшееся воображение.

Стоит ли пытаться удачу? Учитывая, что с этой дамой, отношения были и так натянуты, одна только внезапная буря, накатившая вопреки всем приметам, говорила о многом. Кто взломал эту дверь? Когда? Или может быть, она была взломана задолго до зимы? Вопросы, метавшиеся в голове искателя, требовали ответов. Только инстинкты вопили в полный голос, они просили своего нерадивого хозяина повернуть обратно, бежать назад, хотя бы на пару этажей выше, и уж точно не совать свой любопытный холодный нос в страшную тьму дверного проёма. Будь Виктор старше, то может быть, так бы и поступил. Может быть, его подавленный паникой разум, смог бы заметить свежий след на пороге, порванный край толстой стальной пластины, что некогда прикрывала замок, но он не заметил.

Свет фонаря подрагивал в такт осторожным шагам, дульные срезы, зажатые в обеих руках, смотрели вперёд. На подогнувшихся ногах, едва не свалившись на пол и скользя вдоль стены, искатель затаив дыхание навалился плечом на прикрытую дверь. И сильно удивился, когда не почувствовал сопротивления. В этот момент в его голове всё же промелькнула здравая мысль, что дверь вскрыли недавно, иначе вездесущий лёд уже успел бы сковать её. Но, как и всегда, умные мысли медлительны и не пунктуальны, и в своей противной привычке, каждый раз не успевали догнать действия, порождённые мыслями неумными.

Стоит отдать должное, несмотря на страх, на подкатившую слабость, глаз Виктора смог заметить самое главное сразу, фигуру сидящего человека в углу комнаты.

- Не стреляй.

Раздалось в комнате, отражаясь тихим эхом от стен. Но прежде чем простые слова достигли искателя, он успел нажать на спусковой крючок. Выстрел дуплетом громыхнул в замкнутом пространстве, ударяя по ушам так резко и больно, что слух покинул Виктора, если

бы не открытый в испуганном крике рот и толстый слой меха шапки, то всё могло обойтись куда хуже.

Обрез сильно лягнул в ладонь, осветив вспышкой всю комнату, всего на мгновение, но этого хватило, чтобы в глазах застыли белые пятна. Зажмурившись, не переставая кричать, Виктор пытался вырваться из комнаты на ощупь, но оскользнувшись, только распластался у двери, больно приложившись головой об косяк.

Вопреки ударившему в кровь адреналину, и гулкому звону в многострадальной голове, рука сама собой нащупала в кармане пакет с патронами. Разорвав его, он с удивительной ловкостью загнал новые два патрона в обрез, умудрившись проделать это за пару секунд в замёрзшей перчатке. Заряженный аргумент добавил толику храбрости, он обернулся, стараясь снова взять на прицел фигуру, и тут же лишился обреза, высокий человек в громоздком плаще чёрного цвета играючи обезоружил искателя и навис над ним.

- Просил же, не стреляй – тихо сказал незнакомец – Тебя родители не учили для начала знакомиться с мишенью?

Виктор промолчал, матовое, непрозрачное стекло маски противогаза незнакомца, скрывало его лицо.

- И чего ты разлёгся? Вставай, спать на холодном полу, вредно для здоровья.

Незнакомец протянул ружьё Виктору, секунду поколебавшись, он забрал оружие и изумлённо застыл, не подумав подняться. Незнакомец, возвышавшийся над ним как приговор, только усмехнулся и отвернулся, неторопливо возвращаясь на кресло, стоявшее в углу комнаты.

- Как тебя зовут?

- Э...эм – только и смог выдавить ошарашенный Виктор.

- Опять индеец – проворчал незнакомец – Кого не встречу, каждый из древних племён чунгачгуков и всяких карпачо. И зачем ты припёрся? Только не говори, что выкопал топор войны и хочешь забрать себе мой вигвам. Хотя, вигвамы вроде бы, не у индейцев были.

Виктор, только сейчас осознавший, что незнакомец вовсе не пытался его сожрать, так как не относился к мифическим железным чудушам подземелий высоток. Хотя, вернее будет сказать, подснеж...подснемел...под снегом короче, вот, высотка подснежник. Но, при всём сюрреализме ситуации, встретить кого-то на глубине, искатель совсем не ожидал, уж точно не человека. Но вот ведь, сидит он, этот человек, и сидит на удобном кожаном кресле, пусть

и промороженном до основания. И не смотря на крайне странный внешний вид незнакомца, на непривычно лёгкие одежды и противогаз без фильтра на боку, незнакомец не проявлял агрессии и даже вернул обрез. Эти мысли, позволили ему слегка успокоиться и взять себя в руки.

- Виктор. Меня зовут Виктор. А вы кто? – спросил искатель.

- Рад знакомству, Виктор – спокойно раздалось в комнате, будто на лице незнакомца не было маски противогаза – Можешь звать меня Буран.

- Буран? Злое имя – ответил искатель, медленно поднимаясь на ноги.

Всё ещё крепко зажатый в руках обрез как бы невзначай поглядывал в сторону незнакомца, готовый за долю секунды вновь выдать уже прицельный залп тяжёлого свинца. В голове мелькнула мысль, что в первый раз он точно не промазал, просто не мог, дистанция не больше двух метров, но глаза не вращали, незнакомец просто не обратил внимания на это, спокойно усевшись на прежнее место.

- Злое? Хм, тебе виднее, Виктор. У меня было много имён, сейчас, думаю что оно подходящее. Так зачем ты сюда пришёл?

- Наверху началась буря, я здесь, чтобы её переждать, укрыться. Я искатель из посёлка Уголёк, а вы, извините, торговец?

- Ну, можно и так сказать, но скорее, простой путник.

- А откуда вы пришли?

Незнакомец, хотя вернее будет сказать, уже знакомец, назвавшийся странным именем, молча указал рукой на север. Паника сдавала позиции любопытству искателя, смутившись, он медленно убрал обрез в чехол на бедре. Несмотря на сомнения, он понял, что на самом деле рад этой встрече, ведь теперь он тут не один, и тихая тьма вокруг уже не казалась такой пугающей. Виктор, проживший всю жизнь в маленьком посёлке, знавший каждого соседа с малых лет, не имел привычки опасаться людей. Он не был подозрителен, или внимателен к встречным, но был неразумно доверчив и любопытен, как ребёнок, впервые познающий мир. Будь на месте искателя странствующий торговец, или отец Виктора, то дульные срезы верного аргумента ни на миг не отвернули бы от груди незнакомца.

- С севера? – уточнил искатель – Но там же никто не живёт, там невозможно жить насколько я знаю. Торговцы говорили, что там температура падает до минус восьмидесяти и даже больше.

- Торговцы тебе не ввали, Искатель. Там и правда уже никто не живёт.

- Но как же...

- Если бы у твоего скафандра был шлем, то и ты смог бы там ходить. Кстати, где ты его потерял?

- Скаф достался мне от отца. А шлем лежит дома, он сломан, в нём ничего не видно.

- Понятно. Буря продлится около пяти дней, располагайся удобнее и отдыхай, если не против моей компании.

- Да, конечно, что вы, я совсем не против. Так даже веселее, вдвоём будет легче переждать.

Виктор поискал глазами подходящее место, и после недолгих раздумий, примостился на соседнее кресло, которое было как брат близнец похожим на то, что выбрал себе путник. Промёрзшая до состояния твёрдого стекла кожа, скрипнула, покрывшись трещинами, едва не порвавшись на лоскуты, раздавшийся звук отразился от покрытых инеем стен и улетел эхом по комнатам. Буран порылся в рюкзаке, стоявшем у стены рядом, и выудил там небольшой цилиндр белого цвета, что то нажал на его доннышке, пару раз встряхнул, и комнату заполнил яркий белый свет. Всё вокруг засверкало, будто стены, мебель, потолок, и каждая грань были инкрустированы алмазами. Заблудившийся в ледяных лабиринтах кристаллов льда свет странной лампы отразился мириады раз, с непривычки больно резанув по глазам искателя.

Когда глаза хоть немного привыкли, мокрые от выступивших слёз, Виктор выдал короткое

- Ого.

Буран кивнул.

- Заряда хватит на месяц, так что, экономить свет не вижу смысла. Да и тебе, как погляжу, не очень комфортно в темноте.